

Застигнутый врасплох этой картиной — Мо Юэ, только что вышедшим из купели во всей своей красе, — Е Сяои замер. Он лишь захлопал ресницами и уставился на него, без зазрения совести разглядывая чужую фигуру.

Мо Юэ небрежно набросил на плечи длинный халат и скользнул по гостю холодным, слегка прищуренным взглядом.

— И долго ты собираешься здесь стоять?

Е Сяои озадаченно подумал:

«На чём вообще растут эти древние люди? Откуда у них такое телосложение, что просто... ну, зависть берет?»

Его щеки вспыхнули румянцем. В конце концов, теперь он и сам жил в эту эпоху. Неужели со временем он тоже возмужает до таких внушительных размеров?

Мо Юэ заметил этот подозрительный румянец и едва заметно прищурился.

Руководствуясь незыблемым правилом «если не стыдно мне, значит, стыдно будет другому», Е Сяои мгновенно взял себя в руки. С самым невозмутимым видом он шагнул вперёд:

— Я вообще-то одежду тебе принёс.

Сжимая в руках ворох вещей, он прошёл во внутренние покои и направился напрямик к постели. На ходу он не удержался от шпильки:

— И чего ты скромничаешь? Мы оба мужчины. Всё, что есть у тебя, найдётся и у меня.

Мо Юэ лишь презрительно фыркнул. Затянув пояс халата, он вольготно расположился на ложе, подперев голову ладонью.

— Ты-то мужчина? Малявка ещё. Да и то, что у тебя выросло, с моим разве сравнится?

Е Сяои мысленно поморщился от такой наглости.

— Не смей на меня свысока смотреть! Вот вырасту — и буду покрепче твоего!

Мо Юэ снисходительно усмехнулся и поманил его пальцем.

— Ладно, иди сюда. Помоги своему молодому господину высушить волосы.

Е Сяои подумал, что тот всё равно скоро уезжает, так почему бы и не поухаживать за ним напоследок? Он аккуратно сложил на край постели тёплое ватное одеяло и одежду, сшитую Бабушкой Е, взял сухое полотенце и набросил его на влажные, словно отлитые из чернейшей туши волосы Мо Юэ.

Надо признать, волосы у древних были на удивление хороши. Бережно промокая длинные пряди, Е Сяои невольно подумал, что в будущем неплохо бы взять в жёны красавицу с копной таких же шелковистых волос. От этой приятной мысли на его лице проступило мечтательное, почти блаженное выражение.

Он не торопясь перебирал влажные пряди, наслаждаясь их гладкостью и благородным блеском.

Мо Юэ покосился на него и слегка нахмурился:

— О каких пошлостях ты там мечтаешь? Физиономия у тебя на редкость бесстыжая.

Но Е Сяои, будучи парнем толстокожим, даже отпираться не стал:

— О том, о чём положено думать взрослому мужчине, конечно же! Но ты не переживай, в моих фантазиях исключительно прекрасные девы.

Мо Юэ тут же сел и, бесцеремонно схватив его за воротник, сердито зыркнул:

— Запрещаю тебе думать о девах, пока ты возишься со мной!

— Ну и не буду, подумаешь, — пожал плечами Е Сяои и как ни в чём не бывало продолжил прерванное занятие.

Мо Юэ ещё пару раз недоверчиво взглянул на него и, убедившись, что тот притих, снова закрыл глаза, блаженно отдавшись в руки ученика.

Волосы у Мо Юэ были на редкость густыми и длинными. Спустя добрых четверть часа бережной сушки Е Сяои заметил, что дыхание его названного наставника стало ровным и глубоким.

«Надо же, уснул прямо так», — Е Сяои вздохнул по-стариковски и скользнул к изножью кровати, чтобы натянуть на него одеяло. Всё-таки на дворе стояла поздняя осень, и после горячей ванны простудиться было проще простого.

Провозившись у изголовья постели ещё какое-то время, он наконец полностью высушил его шевелюру. Размяв затекшие кисти рук, Е Сяои не нашёл ничего лучше, как устроиться на этой же просторной постели и сладко задремать рядом.

Проснувшись, Мо Юэ обнаружил, что мальчишка безмятежно спит под боком. Он небрежно откинул прядь со своего лица и, приподнявшись, склонился над ним, внимательно разглядывая черты Е Сяои.

Длинные ресницы спящего подрагивали, а пухлые губы отливали нежным розовым цветом.

«А во сне он, пожалуй, даже милый», — подумал Мо Юэ.

Поддавшись порыву, он коснулся пальцем мягких губ мальчишки. Но тут же, словно ошпаренный, отдернул руку, поспешно поднялся и направился к туалетному столику.

Однако стоило ему сесть перед резным зеркалом, как его взору предстало неопишное зрелище: на самой макушке красовалась нелепая маленькая косичка, увенчанная огромным ярко-жёлтым цветком!

Лицо Мо Юэ мгновенно вспыхло от смеси смущения и ярости, и по дому разнёсся громовой крик:

— Е! Сяо! И!

Е Сяои подскочил как ошпаренный. Увидев, с каким свирепым видом на него надвигается наставник, он в мгновение ока вылетел из комнаты и бросился к себе. Но разъярённый Мо Юэ и не думал отставать.

Слыша за спиной тяжёлые шаги преследователя, беглец в панике ворвался в свои покои. Однако спешка сыграла с ним злую шутку: длинный шелковый пояс его халата зацепился за выступающий дверной засов. От резкого рывка вперёд ткань натянулась, и Е Сяои нелепо повис прямо у косяка.

Мысленно выругавшись, он проклял свой нынешний рост — надо же было умудриться дорасти ровно до того уровня, где располагался этот злосчастный засов!

— Да чтоб тебя! — лихорадочно дёргаясь и пытаясь высвободиться, бормотал он под нос. — Ладно в обычные дни ты мне мешаешь, но сейчас-то зачем подножку ставить?! Чистой воды вражеский шпион! Завтра же прикажу тебя снять!

Он суетливо пытался развязать узел на талии.

— Может, помочь тебе с дверью? — послышался насмешливый голос Мо Юэ, который не торопясь переступил порог.

Е Сяои уже открыл было рот, чтобы выдать какую-нибудь колкость про волка в овечьей шкуре, но тут Мо Юэ ухватился за запутавшийся синий шелк его пояса. Гнев на лице мужчины окончательно сменился откровенным весельем.

— Ты... ты чего удумал? — заикаясь, выдавил Е Сяои.

Мо Юэ стоял перед ним с растрепанными волосами и, лукаво щурясь, ласково процедил:

— Ну же, беги. Чего застыл?

«Я бы с радостью, да только ты меня держишь! — взвыл про себя Е Сяои. — Если я сейчас рванусь, то останусь без штанов в самом буквальном смысле!»

Решив действовать без промедления, Е Сяои собрался с духом и резко дернулся назад, надеясь одним точным и молниеносным движением вырвать злополучный пояс. Но Мо Юэ словно читал его мысли — не успел мальчишка приложить усилие, как противник сыграл на опережение.

Мо Юэ резко рванул ткань на себя, намереваясь устроить небольшое перетягивание каната. Вот только его реакция оказалась быстрее на какую-то долю секунды. В итоге длинный, обернутый в несколько слоев пояс превратился в подобие лассо: Е Сяои закрутило на месте, словно запущенный волчок. Голова у него мгновенно пошла кругом, земля ушла из-под ног, а свободные одежды — пояс, накидка и штаны — легким ворохом взметнулись в воздух и полетели прямо на Мо Юэ.

Мо Юэ опешил, явно не ожидая такого исхода. Видя, как хрупкое тело мальчишки, подобно драгоценной фарфоровой вазе, стремительно падает на жесткий пол, он мысленно уже услышал звон бьющегося стекла. Нежная кожа Е Сяои была куда уязвимее любого китайского фарфора — один такой удар, и ушибов с глубокими ссадинами не избежать.

Тело Мо Юэ среагировало быстрее разума. Прорвавшись сквозь летящий ворох одежды, он в последний момент подхватил Е Сяои за талию. Пальцы коснулись прохладной кожи — гладкой и мягкой.

Мо Юэ впервые держал мальчишку вот так. Конечно, прежде они боролись, он в шутку шлепал его или толкал, но подобные вольности не шли ни в какое сравнение с нынешней близостью.

Это странное ощущение полноты в объятиях кружило голову. Казалось, сожми он руки чуть крепче — и хрупкое тело навсегда сольется с его собственным, лишая возможности сбежать.

Разум велел немедленно отпустить его, но Мо Юэ медлил, подсознательно ожидая, пока Е Сяои сам оттолкнет его. Какая-то неведомая сила заставляла его цепляться за это мгновение. Тонкая ткань халата словно обрела собственную чувствительность, передавая пальцам малейшие нюансы — прохладу и шелковистость чужой кожи. Этот контраст манил своей чистотой, и разжимать объятия отчаянно не хотелось.

Сгорая от стыда и неловкости, Е Сяои уперся ладонями в его грудь, пытаясь отстраниться. Мо Юэ с самым невозмутимым видом продолжал удерживать его. Продержав его так еще мгновение, он вдруг нахмурился: неужели этот малец приболел?

Вместо того чтобы отпустить, Мо Юэ прижал его к себе крепче, делясь собственным теплом:

— Почему ты весь ледяной? Давай я тебя согрею.

Е Сяои натянуто рассмеялся, пытаясь перевести все в шутку:

— Глупости! Это же легендарная ледяная кожа и нефритовые кости — редчайший дар, которому позавидовали бы многие красавицы! К тому же это верный признак моей абсолютной душевной чистоты и аскетизма. Я, можно сказать, достиг великого просветления!

— Ерунда, — фыркнул Мо Юэ. Его ладонь скользнула ниже, медленно и сосредоточенно очерчивая изгиб позвоночника, проверяя температуру тела.

Почувствовав эти бесцеремонные прикосновения, Е Сяои задержался:

— Эй! Ты что творишь?!

— Не вертись, — строго осадил его Мо Юэ, перемещая руку вперед. Он коснулся плеч Е Сяои, проверяя тепло подмышками и вдоль груди.

Е Сяои едва не взвыл. От этих прикосновений по телу побежали колючие мурашки, словно сквозь него пропустили слабый разряд тока. Ощущение было настолько щекотным и волнующим, будто по коже скользила прохладная водяная змейка.

— Учитель... — сдерживая дрожь, взмолился он. — Вы часом не решили воспользоваться моментом и совратить своего ученика?

— Ведешь себя как кисейная барышня, — проворчал Мо Юэ. Чтобы убедиться, он склонился и прижался щекой к плечу мальчишки, измеряя жар.

Е Сяои вздрогнул от этого внезапного прикосновения, но заставил себя замереть. Метаться и вырываться теперь означало признать себя той самой «барышней», а ведь он считал себя

солидным покровителем этого юноши! Разве пристало грозному авторитету так малодушно тушеваться перед каким-то подростком?

Мо Юэ прикрыл глаза, и его длинные ресницы дрогнули. В этот миг в его зоре отражалось то, с чем не могли сравниться ни багряные клены октябрьского леса, ни девственная белизна декабрьских снегов, ни буйное цветение весенних персиков. Но его собственное тело пылало жаром, превосходящим зной самого яростного летнего солнца. В глубине его существа пробуждался дикий, голодный зверь, жаждущий без остатка поглотить этого мальчишку, забрать его себе и спрятать от всего мира.

Сердце Е Сяои тоже пустилось вскачь, но он списал эту непривычную аритмию на банальное смущение. Наконец Мо Юэ отстранился и с серьезным видом констатировал:

— Кожа действительно холодная, хотя жар внутри тела в порядке. Одевайся теплее, ты просто замерз.

Поспешно закивав, Е Сяои высвободился из его рук и принялся торопливо натягивать одежду. Будучи выходцем из современного мира, он терпеть не мог многослойные китайские наряды, поэтому его гардероб отличался завидным лаконизмом и легкостью. Выглядело это, конечно, изящно и двигаться не мешало, но вот от холода совершенно не защищало.

В те времена еще не придумали эластичных манжет, и если не завязать рукава и штанины покрепче, все тепло мгновенно улетучивалось. Температура кожи Е Сяои обычно подстраивалась под окружающую среду: если вокруг было около двадцати градусов, то и сам он становился прохладным. В суровые зимние морозы проблема решалась просто — достаточно было посильнее растопить жаровню. А вот коварные осень и весна, когда печь топить еще рано, заставляли его врасплох. К тому же Е Сяои наотрез отказывался стягивать тесемками манжеты и воротник, предпочитая свободу движений. Без должной физической активности его тело попросту не вырабатывало тепла, и он быстро остывал.

Видя, что упрямый мальчишка снова оставляет рукава распущенными, а ворот — распахнутым, Мо Юэ вздохнул и мягко отстранил его руки. Он сам принялся завязывать тесемки на запястьях и лодыжках, бережно запахнул полы его халата, укутал шею и плотно затянул пояс.

Е Сяои, точно знатный барин, благосклонно позволял своему верному наставнику обихаживать себя, не забывая ворчать:

— До чего же неудобные наряды, сплошная морока!

Мо Юэ покосился на его капризную мину.

«Поглядите на этого неженку. Можно подумать, это он тут императорский отпрыск, а не я. Я и то не жалею на сложные фасоны, а этот барин, видите ли, умаялся одеваться!»

Воспользовавшись моментом, он легонько ущипнул Е Сяои за подбородок.

«Мальчишка растёт писаным красавцем. Оставлять его одного у Тонкого Западного озера слишком опасно — того и гляди, заманят и увезут какие-нибудь негодяи. Моя затея с покупкой усадьбы в таком оживленном месте изначально была ошибкой. Нужно было спрятать его подальше от чужих глаз, где-нибудь в тихой глуши!»

Закончив возиться с завязками, Мо Юэ серьезно произнес:

— Если тебе действительно повезет взять звание чжуанюаня, твое жилище у Тонкого Западного озера подвергнут тщательной проверке. Каждого кандидата досматривают до седьмого колена. Если не хочешь лишних вопросов о происхождении богатства, лучше съезжай отсюда поскорее.

Е Сяои согласно кивнул. Он и сам прекрасно понимал, что легально объяснить владение роскошной усадьбой не сможет, и давно планировал сменить адрес до начала экзаменов. Этот помпезный Сад Е слишком сильно бросался в глаза. Простому крестьянскому сироте не пристало селиться в таких чертогах. Теперь, когда Сад Е выполнил свою роль приманки для нужных людей, пришло время двигаться дальше.

— Хорошо, я все устрою, — ответил он.

Мо Юэ слегка щелкнул его по носу:

— Ты у нас парень рискованный, вечно планируешь всякое безумие. Когда я уеду, прикрывать тебя будет некому. Поубавь пыл и води себя тише воды, ниже травы. Усек?

— Понимаю, — со всей серьезностью кивнул Е Сяои. — Я ведь не дурак. Прежде я творил что хотел только потому, что за моей спиной стоял ты.

Мо Юэ был высок, статен, обладал невероятной силой и феноменальным чутьем на любую слежку — обмануть такого человека казалось задачей невыполнимой. Но самому Е Сяои до таких высот было далеко. Каким бы гениальным умом и хитростью он ни обладал, против обычного тяжелого кулака его теории оставались бессильны. Без надежного защитника шутки кончились. Е Сяои внезапно устыдился: до сих пор этот юный подчинённый оберегал его и создавал ему авторитет, пока сам он лишь пользовался благами.

Его уши слегка порозовели от смущения. Как ни крути, а его собственное тело сейчас было слишком слабым и неразвитым для великих свершений. На тренировки и освоение боевых искусств катастрофически не хватало времени — все силы уходили на подготовку к экзаменам. Человеческий ресурс ограничен, и тратить его следовало лишь на то, что принесет наибольшую выгоду. Хвататься за все подряд — верный путь остаться дилетантом во всем. Он слишком хорошо понимал пользу узкой специализации, которая помогала обходить конкурентов еще на старте.

Пылая румянцем, Е Сяои твердо пообещал:

— Не переживай. Как только ты уедешь, я зарежусь в книги с головой и носа на улицу не покажу. Никаких авантюр, только учеба.

Мо Юэ легонько щелкнул его по уху, сияющему розоватой прозрачностью. Сердце у него было не на месте. Этот малец слишком умен и чересчур отважен — как оставить его одного в Янчжоу на целых два года? Чтобы к моменту его возвращения упрямый ученик не успел перевернуть весь город вверх дном, Мо Юэ решил составить для него поистине драконовский план занятий, который гарантированно лишит Е Сяои времени на глупости.

За прошедшие полгода упорных трудов Е Сяои одолел около шестидесяти тысяч иероглифов из «Книги песен» и «Книги преданий». Теперь он окончательно распрощался со статусом неграмотного и мог бегло читать древние трактаты. Мо Юэ расположился за письменным столом и принялся методично составлять список литературы на ближайшие два года. Древние комментарии к канонам именовались «чжушу» — к примеру, авторитетное «Сводное толкование тринадцати канонов». Однако качество этих трудов сильно разнилось в зависимости от автора. Мо Юэ отбирал лишь лучшие, проверенные временем комментарии авторитетных ученых, призванные помочь мальчику постичь глубинную суть «Четверокнижия» и «Пятиканония».

Обладая феноменальной памятью и начитанностью, Мо Юэ легко восстанавливал в голове названия редких эссе и философских заметок великих мудрецов, вписывая их в учебную программу. Список получился внушительным: одни труды предназначались для вдумчивого анализа, другие следовало выучить назубок, а третьи давались исключительно для общего ознакомления.

Увидев в списке такие трактаты, как «Гуань-цзы», «Гуйгу-цзы», «Вэйляо-цзы» и «Хуайнань-цзы», Е Сяои почувствовал, как у него закипает мозг.

«Мать моя женщина! — мысленно взвыл он. — Мы же вроде договаривались только на классические конфуцианские каноны! Откуда повылазили эти философские дебри?»

Наблюдая за бесконечными строчками, выходящими из-под кисти наставника, Е Сяои со страдальческим видом запричитал:

— Мо Юэ, пощади! Мне нужно заучивать тексты, упражняться в каллиграфии, писать сочинения, да еще и к собранию ученых мужей готовиться! Когда я успею прочесть все это богатство? Давай вычеркнем хоть парочку?

К этому моменту он едва успел освоить чтение «Книги преданий», а до полного запоминания было еще очень далеко. Е Сяои лихорадочно соображал, как бы облегчить себе участь без ущерба для результата.

До сих пор ему приходилось регулярно повторять «Книгу песен». Стоило сделать перерыв — и заученные строки выветривались из головы, сводя на нет месяцы каторжного труда. Но этот бесконечный круговорот повторения с каждым разом давался все тяжелее. Ему нужно было постоянно прокручивать в памяти сорок тысяч знаков поэзии и параллельно закреплять новые главы из двадцати тысяч знаков древней прозы.

По его собственной системе, свежий текст требовалось повторять ежедневно первые три дня, затем трижды в течение следующей недели, а после — два-три раза в месяц. Только так знания удавалось зафиксировать в памяти намертво. Стоило упустить ритм — и учить приходилось заново. При таком графике его ежедневное расписание трещало по швам. Свободных минут практически не оставалось, а тут еще требовалось штудировать горы сторонней литературы!

— Давай сосредоточимся на самом главном. Все второстепенное можно смело отсеять, а? — Е Сяои жалобно вцепился в широкий рукав Мо Юэ.

Мо Юэ снисходительно ущипнул его за щеку и легким росчерком кисти вычеркнул с десятков позиций.

— Лодырь ты прижимистый, — ласково пожурил он мальчика. — Больше ничего убирать не стану. Оставшиеся книги прекрасно развивают ум, прочтешь их обязательно.

Е Сяои небрежно изобразил пальцами жест «ОК». Мо Юэ снова легонько сжал его щеку:

— Опять твои странные словечки. Можешь выражаться нормально?

Рядом с ним этот малец вечно вел себя вольно и раскованно. Мо Юэ всерьез опасался, что за время его двухлетнего отсутствия ученик так и не превратится в благовоспитанного книжника, сохранив свои повадки уличного сорванца.

Е Сяои недовольно перехватил его руку:

— Слушай, прекрати пользоваться тем, что ты выше и руки у тебя длиннее! Хватит тискать мое лицо.

— И не подумаю, — улыбнулся Мо Юэ и, ущипнув его напоследок, положил перед ним толстую стопку бумаг. — Вот тебе сборник янчжоуской поэзии. Ты обязан уловить самую суть здешнего слога.

Янчжоу всегда славился своими поэтами и каллиграфами, и местное поэтическое наследие насчитывало более двадцати тысяч произведений. Те каноны, которые зубрил Е Сяои, были памятниками ушедших эпох. Настоящее же искусство рождалось здесь и сейчас, и янчжоуская культура являла собой ярчайший пример живого, цветущего современного духа.

Е Сяои мысленно примерил на себя саван:

— Двадцать тысяч стихов?! Здешних?!

Мо Юэ ехидно хмыкнул:

— А ты как думал? Мудрость древних канонов прекрасна, но это лишь сухие догмы былых времен. Твоя собственная мысль должна питаться идеями сегодняшнего дня. Без понимания современной поэзии ты не сможешь написать ничего стоящего для нынешних судей.

Е Сяои со вздохом выставил его за дверь:

— Все, уходи. Тебе пора ехать. Если ты останешься здесь еще хоть на час и добавишь мне домашней работы, я протяну ноги прямо на этом пороге.

В день отъезда Бабушка Е, утирая набежавшие слезы, принесла Мо Юэ добротный, сшитый на совесть наряд:

— Сынок, на воде по утрам сыро да холодно, береги себя. Эту одежду я заранее для тебя сшила. Примерь, поглядим, как сидит. Если где велико или узко — скажи, я до темноты все переделаю.

В груди Мо Юэ что-то дрогнуло. Простая забота этой пожилой женщины задела за живое. Дома у него тоже была бабушка — вдовствующая императрица. Вот только внуков у нее насчитывалось великое множество, ведь у Мо Юэ было целых семнадцать братьев от разных наложниц. В глазах августейшей особы настоящими внуками были лишь те принцы, которых родила ее родная племянница. На остальных она смотрела как на пустое место. Впрочем, Мо Юэ никогда и не нуждался в милости этой холодной, восседающей на вершине власти старухи.

Привыкший к вечной фальши и равнодушию императорского двора, Мо Юэ вдруг оказался согрет теплом совершенно чужой, простой крестьянки, которая и слухом не слыхивала о дворцовом этикете. И эта бесхитростная, искренняя забота растопила ледяные латы в его душе, заставив сердце сжаться от щемящей нежности.

Он мягко улыбнулся — совсем как обычный пятнадцатилетний юноша, не знавший тягот взрослой жизни. Не откладывая, он набросил новый халат на плечи и искренне восхитился работой:

— Село как влитое! Бабушка, как вам удалось так точно угадать с размером?

Старушка горделиво распрямила спину:

— Я, считай, всю жизнь с иглой да ниткой провела. И покойному мужу шила, и сыновьям моим, Е Су да Е Цаю. Как тут промахнешься? Ну-ка, обуь новые туфли, проверь, не жмут ли?

В те времена верхнее платье еще можно было купить в лавке готовым, но вот хорошую, удобную обувь шили исключительно на заказ у мастериц или ладили дома заботливые женские руки. Мо Юэ ходил в своих старых сапогах уже больше полугода. Заметив это, Бабушка Е, когда взялась шить обновки для внука, заодно сотворила пару и для его названного наставника.

Обувшись, Мо Юэ почувствовал удивительную легкость и тепло. Семья Е Сяои действительно была самым уютным и мирным прибежищем, какое ему доводилось встречать.

Следом за бабушкой попрощаться подошла Е Сяомэй. С тех пор как они обосновались в роскошной усадьбе, Е Сяои выделил сестре и бабушке ежемесячное содержание — по два лян серебра каждой на мелкие расходы. Помня прежние голодные годы, маленькая Сяомэй теперь тратила все свои скромные сбережения на всевозможные лакомства, пытаясь заглушить застарелый детский страх остаться без еды.

Она бережно протянула Мо Юэ резную шкатулку, доверху набитую ее любимыми сладостями:

— Братец Мо Юэ, это тебе в дорогу. Когда тебе станет грустно или тяжело, съешь что-нибудь вкусненькое, и печаль сразу отступит.

Стоявший рядом Е Сяои не выдержал и ласково ущипнул сестру за пухлую щечку:

— Если тебя кто-то обидит — сразу говори мне, я быстро разберусь! Зачем втихаря заедать обиду сладостями? Смотри, растолстеешь и растеряешь всю свою девичью красу.

Е Сяомэй испуганно прижала ладошки к округлившемуся лицу и со всей серьезностью кивнула:

— Хорошо, братец, я буду осторожнее!

Спрятав гостинец девочки, Мо Юэ с лукавой улыбкой перевел взгляд на Е Сяои: мол, все принесли подарки, а где же твой?

Тот с заговорщицким видом извлек из-за спины запечатанный глиняный кувшин. Его глаза блеснули озорным огоньком, а на лице расплылась широкая белозубая улыбка:

— Идем на крышу. Проводим тебя как подобает!

Под бескрайним ночным небом, залитым призрачным светом огромной серебряной луны, двое юношей устроились на покато́й черепице. Они со звоном столкнули чарки и сделали по

глубокому глотку терпкого вина.

Вглядываясь в сияющий диск, Е Сяои тихо проговорил:

— Полная луна — символ воссоединения семьи. Жаль только, что завтра на рассвете ты покинешь этот дом.

Мо Юэ не отрывал взгляда от ночного светила.

— Я забираю с собой все твои сбережения, чтобы вложить их в морскую торговлю, — негромко заметил он. — Не боишься, что, разбогатев на чужбине, я больше никогда не вернусь в эти края?

Далекие плавания сулили огромные прибыли, но и сопряжены были со смертельным риском. Одно успешное предприятие могло принести десятки тысяч лянов серебра. Ни один разумный человек в здравом уме не доверил бы такое состояние чужаку в надежде на его честность. Многие, сколотив капитал в заморских землях вроде Японии, оседали там навсегда — кому охота возвращаться обратно и снова влачить жалкое существование в статусе слуги? Но этот мальчишка мыслил совершенно иными категориями.

Е Сяои очень уверенно ответил:

— Кто угодно мог бы сбежать с этими деньгами. Но только не ты.

Он знал, что Мо Юэ происходит из благородного и влиятельного рода Хэ, чей глава некогда занимал пост верховного канцлера под именем Хэ Фанвэня. Такие люди видели горы золота и не разменивались на мелкое воровство. За долгие месяцы совместных занятий Е Сяои успел досконально изучить сложный характер своего наставника. Гордость Мо Юэ никогда не позволила бы ему опуститься до банального грабежа. Он мог без зазрения совести выпрашивать лучшее мясо за ужином или требовать себе редкого породистого скакуна, но стать бесчестным вором — никогда.

Мо Юэ негромко рассмеялся и снова коснулся своей чашей его кубка. Неужели этот малец действительно настолько безоглядно ему доверяет?

Тем временем Е Сяои, хмелея, принялся разглагольствовать:

— Говорят, краше янчжоуской луны нет ничего на свете. О ней сложены тысячи прекрасных строк — мол, «сладостно умереть в Янчжоу» или «лучше созерцать янчжоускую луну, чем возвращаться во дворец на колеснице из шести драконов». Но убей меня бог, я не вижу никакой разницы с луной в любой другой глухомани!

Мо Юэ пригубил вино, и его дыхание овеяло Е Сяои теплым сладковатым ароматом. Юноша

придвинулся ближе и негромко, точно сказитель, начал повествование:

— Янчжоу издревле зовут Обителью Луны. Но славен он не самым светилом, а мостами нашего Тонкого Западного озера. Вода, каменные своды и лунный свет сливаются здесь в единую, завораживающую картину. На Мосту двадцати четырех под полной луной играют на флейтах, созерцая небесную гладь, особенно в праздник Середины осени. А у Моста пяти павильонов и лотоса есть пятнадцать пролетов. Если направить лодку прямо под его своды, то в каждом из них отразится по круглой луне. Пятнадцать зеркальных отражений в воде и одно настоящее светило в вышине — ровно шестнадцать лун одновременно. В этом и кроется главное чудо Янчжоу. Хочешь взглянуть?

Повернув голову, Мо Юэ обнаружил, что Е Сяои уже спит сном праведника.

«Надо же, так быстро захмелел?» — с теплой улыбкой подумал он.

Он бережно подхватил спящего мальчика на руки, спустился с крыши и перенес его в спальню.

Стоило Е Сяои коснуться постели, как он во сне сбросил с себя мешавшую одежду и юркнул под одеяло, устроившись на животе. Мо Юэ шутливо шлепнул его. И откуда только у этого сорванца привычка спать нагим? Простудится ведь.

Поправив на нем одеяло, Мо Юэ ушел к себе. Посреди ночи поднялся сильный ветер; за окном зловеще зашумели деревья. Проснувшись от этого гула, Мо Юэ вспомнил, что в комнате Е Сяои осталась распахнута рама. Опасаясь, что хмельной мальчишка простудится на сквозняке, он набросил халат и поспешил к нему.

Е Сяои все так же спал, разметавшись на постели, но на его лице застыла глубокая, щемящая грусть. В холодном серебре лунного света Мо Юэ с удивлением заметил, как по щекам спящего катятся слезы, оставляя влажные дорожки.

Сердце Мо Юэ болезненно сжалось от жалости к своему подопечному. Он осторожно приподнял мальчика, прижав к своей груди, и принялся нежно гладить его по спине, убаюкивая:

— Тихо-тихо, не плачь... Это всего лишь дурной сон. Сейчас ты проснешься, и все пройдет.

Бережно стирая слезы, он ласково поглаживал обнаженную спину, пытаясь вернуть его в реальность.

Спустя пару минут Е Сяои наконец открыл глаза. Он молча выбрался из объятий и сел на постели, отрешенно глядя в пустоту. Мо Юэ снова притянул его к себе и тихо спросил:

— Все еще хмель не прошел? Что тебе приснилось, глупый? Не бойся, это всего лишь морок,

неправда.

Но Е Сяои все еще находился в плену пережитого кошмара. Ему привиделось, будто корабль Мо Юэ атаковали кровожадные пираты и вырезали всю команду до единого человека. Во сне не прошло и года, как ему доставили скромные пожитки погибшего друга. Сердце до сих пор болезненно сжималось от этой невыносимой, удушающей тоски. Он просто не мог допустить мысли, что Мо Юэ погибнет!

Кое-как справившись с дыханием, он вытер лицо рукавом, решительно поднялся и направился к сундуку со сбережениями:

— Возьми эти деньги. На них ты наймешь еще две сотни верных людей охраны. И обязательно раздобудь огнестрельное оружие — хотя бы пару мушкетов для самообороны! Создайте собственную маленькую армию. Ты обязан выжить в этом путешествии, слышишь меня?!

«Так ты плакал из-за меня? Боялся моей смерти?»

Мо Юэ принял тяжелый кошель и, повинуясь внезапному порыву, нежно запечатлел поцелуй на его лбу, твердо пообещав:

— Я клянусь тебе, что вернусь живым и невредимым!

Е Сяои растерянно коснулся лба.

«Что это за странная привычка так прощаться с авторитетным покровителем? — опешил он. — Ладно уж, сам виноват, что уродился таким мелким. То за щеки треплют, то целовать лезут!»

Мо Юэ посмотрел на его влажные ресницы и горделиво вскинутый подбородок. В этот миг он окончательно понял, что вся напускная дерзость и наглость мальчишки — лишь защитная маска. На самом деле под ней скрывался ранимый, упрямый ребенок, отчаянно нуждающийся в тепле.

Он скользнул обратно под одеяло и прижал мальчика к себе:

— Давай спать вместе. Больше кошмары тебя не побеспокоят, ведь я рядом.

Е Сяои хотел было возразить, что вовсе не боится глупых снов, но крепкие, надежные объятия Мо Юэ действительно дарили ощущение абсолютной безопасности. Он решил сделать одолжение своему подопечному и переночевать вместе напоследок. Так они и уснули, согревая друг друга до самого рассвета.

Первые лучи утреннего солнца скользнули по гладкой коже Е Сяои. Он зажмурился и слабо

толкнул спящего рядом юношу:

— Просыпайся скорее, иначе опоздаешь на свой корабль.

Мо Юэ лишь лениво закинул ногу на его обнаженное бедро:

— Не переживай, у меня есть Сяо И, с ним я домчусь за считанные минуты.

Сяо И был тем самым великолепным вороным конем чистейших кровей, чья шерсть отливала глубоким антрацитовым блеском. С тех пор как Е Сяои окрестил их первую невзрачную полукровку «Сяо Гуай», Мо Юэ в отместку назвал своего благородного скакуна «Сяо И». Мальчик от этого жутко злился и упрямо звал жеребца «Сяо Мо»: «Он же черный как уголь, имя Сяо Мо подходит ему идеально!» На что Мо Юэ парировал с неизменной улыбкой: «Он мчится быстрее ветра, так что имя Сяо И — легкий и стремительный — подходит куда лучше».

— Вот уедешь — и я сразу переименую его в Сяо Мо! — победно заявил Е Сяои.

Мо Юэ не стал спорить. Он ласково шлепнул его:

— Учись прилежно и забудь на время о торговых делах. Я привезу тебе столько золота, сколько ты и вообразить не можешь. Но учти: когда я вернусь, передо мной должен предстать блестящий, образованный ученый. Если останешься прежним неучем — не только утрою домашние задания, но и всыплю по первое число, понял?

Е Сяои потер пострадавшее место.

«До чего же обидно быть ребенком! Почему все взрослые так и норовят отвесить мне шлепок?»

Заметив, что малец на удивление притих и не спешит возмущаться, Мо Юэ шутливо шлепнул его еще пару раз — уж больно упругой и приятной на ощупь была его кожа.

Вот тут Е Сяои взбесился окончательно и изо всех сил пнул его ногой:

— Да хватит уже! Совсем стыд потерял!

Однако удар пришелся совсем не туда, куда планировалось. Осознав свою оплошность, Е Сяои попытался было отдернуть ногу, но было поздно.

Мо Юэ с победным кличем повалил его на постель и принялся нещадно щекотать:

— Ах ты негодник, покушаешься на святое?! Ну держись!..

Е Сяои с хохотом катался по простыням, пытаясь отбиться, пока раззадоренный Мо Юэ в шуточной борьбе прижимался к нему всем телом и даже в шутку прикусывал за бока. В суматохе губы юноши скользнули по его обнаженной коже, оставив обжигающий след.

— С ума сошел?! — взвизгнул Е Сяои, безуспешно пытаясь оттолкнуть его лохматую голову. — Ты куда зубы распускаешь?!

Мо Юэ нехотя отстранился и замер, не сводя с него пристального взгляда. В голове его царил полный хаос: неужели он действительно испытывает к этому малявке подобные чувства?

Ничего не подозревающий Е Сяои поспешно натягивал одежду, на ходу подгоняя приятеля:

— Хватит валяться, поднимайся! Иначе точно опоздаем к отплытию!

Переправа Гуачжоу

В предрассветной дымке двое всадников на великолепном вороном жеребце вихрем примчались к пристани. Посадка на корабль уже подходила к концу. Мо Юэ ловко запрыгнул на борт покачивающейся лодки и замахал рукой остающемуся на берегу мальчику:

— Береги себя, малец! Возвращайся домой, успеешь еще досмотреть свои сны!

Е Сяои внезапно заметил притороченный к седлу увесистый сверток с серебром.

— Ну и растяпа! — в сердцах бросил он, подхватил мешок и точным броском отправил его прямо в руки Мо Юэ. — Как прибудешь в Янчжоуский порт, обязательно найми побольше охраны! Не экономь, понял меня?!

Специально оставивший серебро Мо Юэ лишь беспомощно улыбнулся и снова помахал рукой:

— Хорошо, я все сделаю!

Только после этого Е Сяои облегченно вздохнул и принялся усердно махать вслед уходящему судну. Они долго провожали друг друга взглядами, пока фигура на палубе не превратилась в едва различимую точку. Лишь тогда мальчик развернул коня и неспешно поехал обратно.

Сжимая в руках увесистый узел с серебром, Мо Юэ чувствовал, как грудь наполняется щемящим теплом. За время их знакомства он успел понять, что хитрый мальчишка всегда держит в запасе пути к отступлению — то, что он называл странным выражением «план Б».

Эти монеты явно были его неприкосновенным резервом на крайний случай, а теперь все они без остатка были отданы ему...

Мо Юэ невольно улыбнулся. Неужели этот сорванец настолько сильно боится его гибели?

В памяти снова всплыло заплаканное лицо спящего мальчика. Ему до безумия захотелось взглянуть на него прямо сейчас — не плачет ли этот глупый упрямец где-нибудь в одиночестве? От этой мысли сердце окончательно растаяло, подговаривая немедленно развернуть лодку назад.

Изначально его план был прост: отправившись в плавание, инсценировать собственную гибель в море. Он намеревался вернуть Е Сяои все его вложенные средства с лихвой через доверенных людей, а сам — навсегда избавиться от позорного клейма раба. Однако этот кошель с серебром разрушил все его намерения. Теперь он был привязан к этому мальчишке намертво.

«Что ж, превосходно. Ты снова купил меня без остатка», — усмехнулся про себя принц. Раз уж тот так сильно ждет его возвращения, он, так и быть, вернется. И продолжит быть верным слугой своего маленького господина.

Когда крытая лодка причалила к Янчжоускому порту, на пристани его уже ожидала группа преданных людей — ханьцев, искусно загримированных под чужеземцев из западных племен. Завидев Мо Юэ, Тень-13 почтительно склонил голову:

— Владыка!

— Все готовы? — деловито осведомился принц.

— Так точно, — вполголоса ответил начальник тайной гвардии. — Основные силы укрыты в трюмах. Мы можем отплывать в любую минуту.

— Начинайте подготовку.

Хотя Мо Юэ заранее щедро подкупил местных портовых стражников, чиновники из Управления морской торговли могли нагрянуть с внезапной проверкой в любой момент. Следовало как можно скорее выйти в открытое море, подальше от цепких лап закона.

Янчжоу славился своим кораблестроением: речные и морские просторы бороздили сотни огромных судов грузоподъемностью в тысячи даней, а гигантские корабли в десять тысяч даней не были редкостью. Разумеется, перевозилось на них немало контрабанды. Таможенное ведомство процветало на взятках, безжалостно конфискуя товары у несговорчивых купцов. Чтобы избежать разорения, торговцы предпочитали договариваться с мелкими чинами на берегу — получив свою долю, те закрывали глаза на нарушения, и в открытом море судно обретало долгожданную свободу. Однако если на пристани внезапно появлялся

высокопоставленный ревизор, пиши пропало. Именно поэтому уходящие за рубеж караваны старались не задерживаться в гавани ни на минуту лишнюю.

Огромное судно Мо Юэ, способное вместить до десяти тысяч даней груза, ничем не выделялось среди сотен других гигантов в гавани. Поднявшись на борт, принц в сопровождении Тени-13 спустился в самые глубины трюма. Стоило верному гвардейцу отворить потайную дверь секретного отсека, как находившиеся внутри люди дружно пали на колени, благоговейно и тихо прошептав:

— Приветствуем Тринадцатого принца!

Мо Юэ степенно прошел вперед и бережно поддержал под локти престарелого вельможу, стоявшего во главе заговорщиков:

— Старейшина Гу, прошу вас, поднимитесь. Здесь по-прежнему небезопасно, поэтому буду краток. Я непременно верну трон своего покойного отца, и каждый из вас вновь обретет былую славу и почет. Но сейчас, пока буря не утихла, оставаться в пределах Срединной Империи слишком рискованно — любой наш шаг будет скован. Я намерен переправить вас в Западные земли. Там, опираясь на военную мощь кочевых племен жун, мы начнем подготовку к великому возвращению. Что скажете?

Бывший канцлер Гу отступил на два шага и преклонил колена в знак вечной верности:

— Ваше Высочество зрит в самый корень! Мы готовы отдать свои жизни ради общего дела!

Остальные сановники также склонились ниц, подтверждая клятву:

— Мы верны вам до самой смерти, господин!

Прежде старик Гу всерьез опасался, что их горстка опальных чиновников, лишённая армии и снабжения, обречена на забвение. Но теперь, видя решимость и четкий план молодого принца, он почувствовал, как в его груди разгорается надежда.

С приходом нового владыки всегда меняется и весь двор. Когда прежний император был подло убит изменниками, этим почтенным мужам было суждено отправиться в принудительную отставку. Но весть о том, что юный Тринадцатый принц выжил, всколыхнула их угасающие амбиции. В империи чиновники могли оставаться на службе до семидесяти лет. Потратив всю свою жизнь на интриги и борьбу за власть, они едва успели вкушать плоды высочайших должностей первого ранга. Смириться с бесславным изгнанием? Никогда. Поддержать законного наследника в борьбе за престол означало получить шанс вернуться на самую вершину. К тому же узурпатор и его прихвостни вряд ли позволили бы опальным министрам спокойно умереть в своих постелях. Терять им было нечего.

Приняв их присягу, Мо Юэ тут же перешел к раздаче поручений:

— Гу Цюань, все товары на этом судне я передаю под твое управление. Тебе будет помогать А-Мэн — он смыслит в торговле лучше многих. На верхних палубах плывут опытные купцы, не стесняйся сблизиться с ними и перенимать их уловки. Твоя цель — перенять их опыт и в кратчайшие сроки превратиться в расчетливого и хваткого дельца. Через год мы встретимся в Западных землях, и я надеюсь увидеть в твоём лице надёжную опору нашего дела.

Старший сын бывшего канцлера склонил голову:

— Слушаюсь! Я приложу все силы, чтобы овладеть искусством торговли.

Гу Цюань уже знал от доверенных лиц, что его старый друг, принц Мо Юэ, успел основать в бескрайних песках Запада тайное общество под названием Форт Орла, совмещавшее в себе функции купеческой гильдии и боевого ополчения. Пусть пока эта организация не обладала громким именем и большим влиянием, её шпионская сеть и доходы от торговли уже закладывали прочный фундамент для будущей армии.

Старик Гу не на шутку разволновался:

— Ваше Высочество, неужели вы не поплывёте с нами?

Путешествие по суше от Янчжоу до западных рубежей тайло в себе смертельную опасность. Дороги кишели патрулями узурпатора, и без надёжных подорожных грамот любая проверка могла закончиться арестом. Зачем принцу так рисковать?

На самом деле Мо Юэ изменил свои планы исключительно ради одного несносного мальчишки, но перед почтенными министрами он держался со всей подобающей важностью:

— Этому кораблю предстоит обогнуть множество заморских царств, останавливаясь в каждом порту недели на две ради продажи и закупки товаров. Весь путь от устья Янцзы до Малаккского пролива и далее через Персидский залив в Западные земли займет не меньше года. На хорошем скакуне по казённым дорогам я доберусь туда всего за пару месяцев. Форт Орла ещё слишком слаб, мне необходимо лично заняться его укреплением и подготовкой к вашему прибытию.

Истинной же причиной было его нежелание надолго терять из виду своего названного ученика. По суше он всегда мог вернуться в Янчжоу в кратчайшие сроки.

— Но суша таит слишком много опасностей, господин! — не унимался канцлер.

Мо Юэ лишь покачал головой:

— Ваша правда, но к вам привлечено слишком много внимания, и в лицо вас знает добрая половина столицы. Мне же едва исполнилось пятнадцать, я никогда не участвовал в государственных делах и не объявлялся наследником престола. Кроме Гу Цюаня, меня в лицо никто не знает. Даже если меня остановит патруль, предъявить мне будет нечего — все необходимые дорожные грамоты у меня на руках.

Самое главное — официально он числился слугой в скромном семействе Е. Все его бумаги были оформлены безупречно и подтверждены местными властями. Без личного знакомства с членами императорской семьи никто и никогда не заподозрил бы в нем беглого принца. Не зря же он так долго и безбоязненно жил в самом сердце Янчжоу? Морской путь, напротив, таил в себе не только капризы погоды, но и угрозу нападения пиратов, хозяйничавших в южных проливах.

Впрочем, бывшие министры первого ранга мало боялись морских разбойников. Одно лишь семейство Гу сопровождали восемьсот преданных латников, да и у остальных сановников имелось по паре сотен обученных бойцов. Эта грозная личная гвардия надежно оберегала их во время долгого пути на юг от разбойников и местных банд. Для морского похода корабль был под завязку набит вооруженными до зубов солдатами. Так что, пока судно держалось на плаву, никакие пираты не могли омрачить их путешествие.

С палубы донесся протяжный гул рога, возвещающий о начале движения. Мо Юэ подвел итог совещанию:

— За последние полгода лазутчики из Форта Орла собрали немало сведений о кочевых кланах степей. Среди их вождей нет согласия, они постоянно враждуют между собой. Прошу вас во время плаванья досконально изучить эти сведения и разработать план, как рассорить их еще сильнее. Моя цель — подчинить себе эти племена и использовать их конницу для возвращения трона.

При этих словах у старых министров загорелись глаза. В случае успеха империя не просто вернет законную власть, но и значительно расширит свои северные границы! В их сердцах, истосковавшихся по великим свершениям, крепла уверенность в новом господине. Пусть юн, но умен, расчетлив и мыслит масштабно.

Стоило огромному кораблю скрыться за горизонтом, как Мо Юэ пересел на легкую юркую лодку и поплыл обратно к переправе Гуачжоу. На его губах играла предвкушающая улыбка: «Этот сорванец и представить не может, что я уже возвращаюсь!»

Купив на пристани резвого скакуна, он во весь опор помчался обратно к Тонкому Западному озеру. Бесшумной тенью взлетев на черепичную крышу Сада Е, он притаился у конька, желая посмотреть, чем сейчас занят его маленький подопечный.

<http://bllate.org/book/18182/1758823>